

Влияние горнозаводской промышленности на этносоциальные процессы Волго-Уральского региона в XVIII в.

С.В. Голикова

*Институт истории и археологии
Уральского отделения Российской академии наук
Екатеринбург, Российская Федерация*

Статья посвящена влиянию горнозаводской промышленности на этносоциальную среду. Становление этого успешного достижения петровского времени происходило на фоне активного заселения юго-восточной части Волго-Уральского региона: миграций народов Поволжья и стихийного земледельческого русского освоения. Индустриальная колонизация была целенаправленным имперским проектом по созданию на дальней периферии крупного металлургического района. Его привилегированный статус привел к дефициту ресурсной базы (земли, рек, лесов) у других колонистов и коренных жителей, дополнительно дестабилизировав регион и тормозя непромышленные альтернативы его развития. Крестьяне, башкиры и другие народы края воспринимали индустриальную экспансию как вызов и угрозу, на которые ответили социальной мобилизацией. Бескомпромиссная борьба с ней указывает на развитие ценностных конфликтов, целью которых являлся не поиск консенсуса, а сохранение (или перестройка) иерархии идентичностей. Выступив катализаторами этносоциальных процессов – размежевания, консолидации, самоидентификации общностей – заводы к концу XVIII в. создали новый этносоциальный баланс, контрагенты которого сохраняли между собой социокультурную дистанцию.

Ключевые слова: колонизация, горнозаводская промышленность, этносоциальная среда, социальная мобилизация, этнокультурная идентичность, ценностный конфликт, Волго-Уральский регион.

Для цитирования: Голикова С.В. Влияние горнозаводской промышленности на этносоциальные процессы Волго-Уральского региона в XVIII в. // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2022. Т.12, №4. С.101–112.

Горнозаводская промышленность считается достижением петровского времени. Ее форсированное создание происходило на фоне интенсивного заселения юго-восточной части Волго-Уральского региона: миграций народов Поволжья и стихийного земледельческого русского освоения. Башкиры-вотчинники активно пользовались правом селить в своих землях «припущенников». Граф Г.И. Головкин только в 1720–1722 гг. выслал с их территории почти 20 тыс. беглых [5, с.90]. Однако к 1730 г. оказалось, что «...народ сей... непрестанно умножается и растет... ныне с беглецами стало более ста тысяч, а именно: казанские, сибирские и прочих уездов ясачные татары большая половина в башкирцев перешли. К тому

же и прочие иноверцы: мордва, чувашаи, черемисы и вотяки целыми селами и деревнями с ясаков туда перешли... А ныне и русских не малое число от подушных податей беглецов в башкиры перешло...» [1, с.421]. Встав во главе оренбургской экспедиции, И.К. Кирилов убедился, что в Башкирию «набрело жить великое множество горных татар, черемис, чуваш, вотяков, так что теперь этих пришельцев вдвое больше, чем башкирцев» [6, с.10]. Свои цифры притока мигрантов выдала и официальная статистика: если I ревизия насчитала более 11 тыс. тептярей и бобылей, то II – почти в 3 раза больше (около 30 тыс.) [1, с.422]. Исследования Р.Г. Кузеева открыли широкую панораму массовой миграции нерусского населения Поволжья. В первой половине – середине XVIII в. на восток продвигались татары (казанские, касимовские, темниковские). В середине XVIII в. поток пришлых в Западную Башкирию возрос: с северо-запада туда направлялись марийцы, с севера шли удмурты, в Бельско-Икское междуречье – чувашаи. Мордва двигалась по южной кромке Закамья, Приуралья и Южного Урала. Значительные группы мишарей и казанских татар отправлялись в Зауралье [11, с.135–136, 141–142].

Поскольку колонизации наталкивались на встречное движение, то территория надолго превратилась в зону контактов, погрузилась в затяжной пересмотр ставших подвижными границ проживания разных народов. Башкиры не признавали перемещения фронта, утверждая, что пришлый элемент поселился на их землях «насильством» и живет «насильством» [6, с.4]. «В 40–60-х гг. из Башкортостана, – отмечают Н.М. и И.Н. Кулбахтины, – в столицу страны шел целый поток челобитий. Башкиры жаловались на мишарей, служилых и ясачных татар, другие пришлые народы за самовольное заселение на башкирских вотчинных землях» [15, с.84]. Сходцы из других губерний утверждали, что осели на порожних (свободных) землях. В наказе, составленном для Уложенной комиссии, башкиры Уфимской провинции опровергали этот аргумент: «...онные вотчинные земли никогда пустовыми не бывали, а в точном владении нашем башкирском издревле состояли...». Пришлые вытесняли их из «жительства» и лишали «выгодностей», благодаря которым, жаловались башкиры, они «получали в своих изворотах удовольствие», а «ныне... в бедное приходят состояние и убожество» [15, с.100, 108].

Припущенники же Уфимского уезда в наказе той комиссии нарисовали яркий образ вотчинников: «...у нас топоры и протчее отнимают, бьют и мучат и заставляют в своих вотчинах на ключах, речках, болотах, протчих тому подобных местах мосты делать и у загороженных наших сен прясли разрубают и скотом наше сено травят...». Марийцы Казанской дороги Уфимского уезда дополняли эту картину: «...из деланных бортей наших мед вылазят, пчел убивают и рои огребают и продают сторонним людям» [15, с.243, 268]. Приведенные примеры показывают, что в жестко конкурентном колонизируемом регионе происходило непростое складывание нового этносоциального баланса.

В отличие от двух других колонизаций, индустриальная была целенаправленным имперским проектом по созданию на дальней периферии крупного металлургического района. По подсчетам Н.С. Корепанова в 1720–30-е гг. в год вводилось в строй по одному заводу [10, с.8]. К середине века было построено более 70 предприятий [9, с.270]. Строительный бум прекратил только запрет Сената 1776 г. ввиду сбережения лесов «вновь устраивать горные заводы в Оренбургской, Сибирской, Казанской и других губерниях». «Тогда как до этого времени, – уверял Р.Г. Игнатьев, – все меры правительства были направлены на возможное увеличение их числа» [8, с.222].

Привилегированный статус разросшегося горнозаводского сектора привел к дефициту ресурсной базы (земли, рек, лесов) у других колонистов и коренных жителей. При межевании заводских угодий велено было «смотреть накрепко, чтоб... в пользу было горному и заводским делам» [4, с.22]. В «чертеже» Арамильской слободы, населенной государственными крестьянами, в 1704 г. появился Уктуский завод, а в 1720-е гг. – Верхне-Уктуский, Екатеринбургский, Верх-Исетский и Сысертский. Позднее с появлением так называемых «заводских дач» – земельных владений предприятий – из фонда земель этой слободы нарезали дачи Березовского, Каменского, Нижне-Исетского Сысертского заводов и частично он отошел Кыштымскому и Ревдинскому [21, с.31–33]. Башкиры, как признавал сенатский указ 1753 г., «ничто толь много не уважают, как свои земли и угоды, от чего наипаче и прежде бывшие их замешания... происходили» [18, с.900]. Однако социально-экологические интересы кочевого народа не являлись приоритетом российской власти, решившейся на вмешательство в его поземельные отношения, от которого пострадали традиционные промыслы: звероловство, рыбные ловли, хмельное щипание, «конные заводы», бортевое пчеловодство, «бобровые гоны», «дранье лубков». Селжауский башкирец Салех Башкунов в челобитье начала 1730-х гг. просил: «...около новопостроенного на реке Калге на их вотчинной земле завода, кроме каменьев и лесов, которые годны на казенные нужды, в земле и в лесах и в угодыях насилья им не чинить, понеже они вместо оной их вотчинной земли ничем не удовольствованы» [6, с.5].

Посягательство казны и частных заводчиков на башкирские вотчины приобрело такой размах, что в 1753 г. сенат вынужден был умерить требования последних и запретил приписывать башкирские вотчины «к тем партикулярным заводам» в размерах «по силе» прежних указов, а «токмо под заводское и хоромное строение», под плотины, фабрики и рудники предоставлять площадь в 5 верст [18, с.899–900]. Однако упорное противостояние башкир Гайнинской волости уступки земли под Шермяитский завод в 1759–1760 гг. показывает, что правоприменительная практика оставалась непоследовательной. Угрожая «привесть в разорение», шихтмейстер О.А. Стадухин заставил их подписать документ о 50-верстном отводе территории. После подачи сотником Рангулом Ильиным «с товари-

щами» жалобы, горное начальство прислало в мае 1760 г. обер-гиттен-фервалтера В. Раздеришина, которого встретило около 500 местных жителей, настаивавших на законной 5-верстной норме. В августе они во главе с Мансуром Тимяевым, угрожая побоями, прогнали межевщиков, пытавшихся произвести отрезку земель [14, с.283]. Итог борьбы вышел половинчатым – заводская дача получилась меньше 50 верст в окружности, но намного больше 5 [22, с.233–234].

Летом того же года жителям Кара-Табынской волости пришлось бороться с возведением на их земле Каслинского завода и «со озлоблением» объяснять маркшейдеру В. Титову и берг-гешворену П. Чернышеву, что «к свидетельству на реке Миасе места под завод места и рудников... не допускают, да и впредь никогда не допустят, а если без них будут свидетельствовать, то произойдет от них великая ссора...». Будущему владельцу купцу Я.Р. Коробкову и Селезневу – приказчику его компаньона Н.Н. Демидова – вотчинники пообещали «руки ноги переломать и убить до смерти» [16, с.160]. Тяжба Юлая Азналина, Салавата Юлаева и их соплеменников с И.Б. Твердышевым из-за дачи Симского завода окончилась для них еще хуже – внушительным штрафом в 600 руб. за «напрасное возбуждение происков и волокиты» [12, с.120]. Не найдя справедливости в суде, башкиры Уфимской провинции в наказе для Уложенной комиссии указывали, что договоры на межевание их вотчин под заводы и рудники пишутся «многим обманством», «чрез происки». «Ис чего наш народ, – жаловались они, – будучи бесгласной, остается обиженным», а «жители, видя от них, заводчиков, притеснении, оставляя свои жителства, принуждены на другие места переезжать, чрез что разорение претерпевают». На «обманства» заводчиков и их приказчиков в своем наказе указывали и их соплеменники из Исетской провинции: «...видя наш башкирской народ безгласной, болшие окружности захватя, к тем заводам присвоили и насилно оными владеют, не допуская нас, настоящих владельцев» [15, с.107, 118–119]. По подсчетам Н.М. Кулбахтина, основанным на данных V-й ревизии, к 1795 г. заводы занимали 5766752 дес. земли, что «составляло около 16,5 % всей территории Башкортостана» [13, с.214].

Местных государственных крестьян власти принудили строить заводы, а потом превратили в основной резервуар новых социальных групп: мастеровых, порвавших с деревней, и приписных крестьян, вынужденных отрабатывать подушную подать на вспомогательных заводских работах. С передачей предприятий в частные руки приписки увеличились, также как и расстояние до заводов, к которым крестьяне были приписаны. На работу в Авзяно-Петровский завод графа П.И. Шувалова ясачных крестьян Арской и Зюрейской дорог Казанского уезда высылали «за 650 и более верст» [23, с.170], в Вознесенский завод графа К.Е. Сиверса государственных и ясачных крестьян этого уезда – еще дальше [15, с.236]. Оренбургский губернатор Д.В. Волков в 1763 г. назвал эту порочную практику «разволочкой» государственных крестьян, перечислив ее негативные по-

следствия: «...кои, как теперь искусством доказано, неделавшись хорошими заводскими работниками, потеряли крестьянское домостроительство и сделались сперва бродягами и бурлаками, а, наконец, и возмутителями» [16, с.455–456].

Башкиры также испытали на себе прессинг и вседозволенность горной администрации. В 1759 г. они, например, бесплатно расчищали дороги и устраивали мосты от строящегося Шермяитского завода до деревень Усть-Тунтора и Барды, а также к Кунгуру. Заводские служители для перевозки тяжелой клади забирали у них лошадей и подводы. Тех, кто не хотел предоставлять их без подорожных и требовал «указных прогонов», били плетью [22, с.230, 233]. Таким образом, политика промышленного протекционизма дополнительно дестабилизировала регион и тормозила не-промышленные альтернативы его развития.

Травмирующий опыт соседства с амбициозным экономическим конкурентом способствовал социальной мобилизации. Традиционные лояльности были забыты, крестьяне, башкиры и другие народы края восприняли распространение горнозаводской промышленности как вызов и угрозу. Почти две трети XVIII в. предприятия и промышленная инфраструктура оставались мишенью башкирских бунтов. Уже в 1710 г. «с десяток башкирцев» напали на Шувакишский завод, убив 7 работников [21, с.291]. В июне 1722 г. «башкирцы Чубар Балагушев с товарищи, 42 человека», вооруженные ружьями, пищалями и луками, «наехали» на Гумешевский рудник возле д. Полевой и «все строение... выжгли» [21, с.425]. В июле 1734 г., когда в окрестностях Каменского завода «скопище башкир» достигло несколько тысяч [5, с.94], власти всерьез опасались набега на предприятие, а с целью «поддержать безопасное сообщение Екатеринбургa с... при-камскими заводами и оградить от нападений башкирцев, лежащие севернее заводы» энергично возводили Ачитскую, Грбовскую, Киргишанскую, Кленовскую и Бисертскую крепостцы [211, с.46]. В бунт 1755 г. возглавляемые старшинами Салтыком и Гляумбетем повстанцы сожгли в верховьях р. Яик медеплавильный завод графа А.И. Шувалова [2, с.861].

Восстание Е.И. Пугачева ознаменовало создание единого традиционалистского фронта из «инородцев», приписных и крепостных крестьян. Башкирские старшины и полковники получили от него «письменное повеление» «жечь все горные заводы на Сибирской дороге». «А если того не учиним, – сообщал Салават Юлаев на допросе 1775 г. в Уфимской провинциальной канцелярии, – то стращал нас искоренением». Узнав, что его распоряжение выполняется медленно, предводитель восстания, дополнял слова сына Юлай Азналин: «паки нам подтвердил, собрався, к тем заводам делать приступы» [12, с.126–127]. После того как атаман И.Н. Белобородов овладел казенной Уткинской пристанью на р. Чусовой, а прибрежные жители р. Камы примкнули к бунтовщикам угроза нависла над заводскими караванами, которые сплавились по этим рекам. Всего же на Южном и Среднем Урале повстанцами были уничтожены 56 заводов [23,

с.180, 182, 185]. Затем сопротивление башкир пошло на убыль, приписных – нарастало, продлившись до отмены приписной системы в начале XIX в. По оценке Н.К. Чупина, крестьянское противодействие усиливается уже с 1755 г., когда на «усмирение ослушников» пришлось отправлять воинские команды. Конфликты с ними еще и участились – «по водворении порядка и спокойствия в одном месте, волнения возникали в других [23, с.171].

Острота и упорство таких столкновений указывают на их принадлежность к ценностным конфликтам, приводящим к бескомпромиссной борьбе. Воздействие цивилизации техногенного характера воспринималось кочевниками и земледельцами как нечто чужеродное и противоестественное. Башкиры видели в жителях заводов не просто оппонентов или конкурентов, а врагов. Сжегший Гумешевский рудник Чубар Балагушев предупредил рудокопов: «...буде вы впредь на ту гору промышленять медную руду приедете, и мы вас всех прибьем до смерти, и будет де с вами о сей нашей вотчине война не малая» [21, с.425]. В бунт 1755 г., когда индустриальное освоение проникло вглубь Башкирии, соплеменники выполнили его обещание: И.И. Неплюев «отовсюду получал известия о кровавых беспорядках: с завода Вознесенского на р. Ике, с заводов Твердышева, графа Шувалова» [5, с.101]. Бесчинства бунтовщиков демонстрировали их бескомпромиссное отрицание горнозаводского бытия. Драгунскую роту, посланную для обороны предприятия П.И. Шувалова, бунтовщики перерезали «в одной теснине». По поводу обуревавших их чувств исследователь Оренбуржья В.Н. Витевский писал: «Башкирцы не довольствовались простым убийством, а, «убивая россиянина, тело его в куски резали», так велико было их озлобление против русских!» [2, с.861].

С точки зрения этого кочевого народа, распространение заводов было непримиримо с их существованием. Именно оно, по мнению оренбургского губернатора Я.В. Ханыкова, толкнуло башкир к пугачевцам: озлобленные башкиры «толпами врывались в заводы... жгли дома, резали стариков, а молодых выгоняли из селений...». Накал страстей показывает его замечание о том, что восставшие истребляли предприятия «до основания» [20, с.53]. Салават Юлаев сжег завод (и его плотину), за земли которого проиграл судебный спор с заводчиком, «и новопоселенные на его, Юлаевой, земле им Твердышевым деревни выжег», а его соратники «противящихся крестьян перекололи досмерти» [12, с.125–126]. Современники описывали жалкое состояние выживших после таких набегов людей: «...оставших в живые мужеск пол, разграбленных и измученных разными тиранскими муками и ранами, а женск пол обруганными... в сущей бедности, нагоде и голоде с семействами их з заводского места выгнали» [17, с.128].

Кочевые народы также стремились воспрепятствовать переменам в своей собственной группе – росту категории рудопромышленников, сотрудничавших с горной властью. Знаток архива Уральского горного правления Н.К. Чупин писал: «Некоторые башкирцы и жившие среди них мещераки иногда указывали горному начальству рудные места, но тем не-

редко возбуждали против себя ненависть соплеменников, которые иногда угрожали им даже смертью» [22, с.210]. 1 февраля 1723 г. знакомые посоветовали мешчеряку Татарбаю Михайлову, жившему в Мякотинской волости: «...можешь ли де сего дни убежать, то ты де убежи...». Поскольку им стало известно, что на следующий день «татара, той же Мякотинской волости вотчинник Икинбет, да Унгер Сюндуков, Букай, а чей прозванием не знают» собирались убить Татарбая за то, что тот руду «приискывает и объявляет» [7, с.585]. При татищевской администрации аналогичный умысел против башкира-вотчинника той волости Янгельды Бигишева имели «мякотинские жители и другие вотчинники и башкирские татары». «По усердному... радению к распространению российских заводов» и, «желая... учинить в казну Ея ИВ прибыль», он указал Сибирскому обер-бергамту месторождение медной руды. «Имею я себе опасение, – жаловался в 1732 г. Янгельды, – чтоб... моей и братьей моих вотчины не разорили и как меня, так и тех моих братьей и жен наших не побили до смерти. И в таком их злоумышленном намерении имеюсь в немалом страхе» [4, с.123].

В 1755 г. восставшие напали «на верных башкирцев», живших вблизи предприятия А.П. Мосолова и пытались убить знатного старшину Шарыпа Мрякова, но тот успел укрыться на заводе [2, с.865]. В ожесточенной борьбе с заводами башкиры не собирались щадить собственные жизни: в 1723 г. тысяча башкир Катайской волости поклялись на коране, «хотя де всем принять смерть, а в их вотчинах руд искать никого не пускать» [7, с.585–586].

Сопrotивление крестьян-земледельцев горнозаводской среде, выглядевшей с их точки зрения аномалией, также приняло драматический и непримиримый характер. В 1705 г. крестьяне, строившие первенец уральской металлургии – Алапаевский завод, желали его «разорить вовсе... чтоб им на том заводе не работать». В 1760 г. приписные крестьяне из деревни Талица Юрмытской слободы, высылаемые для выполнения заводских работ, «остервенели» до такой степени, что набросились на солдат «с разными к битью и смертному уязвлению дреколями, т.е. с копиями, бердышами, баграми, дубьем и протчим зловредным орудием» [3, с.214, 216]. Во время пугачевщины повстанцы из крестьян принимали активное участие в сожжении «дотла» заводов, на Среднем Урале они также выводили из строя вешняки заводских плотин и спускали воду из прудов [21, с.557]. Разбойники – самая опасная и могущая дать отпор категория обнищавших и беглых крестьян – в 1746 г. разрушили Рождественский завод, пообещав впредь «заводы разбивать и фабрики жечь» [10, с.62]. Враждующие стороны не искали консенсус – их целью являлись сохранение или перестройка иерархии идентичностей.

Индустриальная экспансия явилась катализатором этносоциальных процессов – размежевания, консолидации, самоидентификации общностей. Благодаря ей процессы этнокультурной дифференциации и интеграции приобрели особенный размах. Она стимулировала групповое сознание

всех видов. В законодательных и делопроизводственных документах сохранились замечания об отслеживании умонастроений башкир. Власть настораживала уже молчаливая реакция кочевников. Восприятие ими царского распоряжения «впредь никакого помешательства» горнозаводской промышленности не «чинить» «ведомость в Ысецкие заводы» 1723 г. описала следующим образом: «А других волостей башкирцы и лутчие люди о строении оных заводов указ Е.И.В. слышали, а ничего на оной указ не сказали и розъехали, не сказав, каждой в свою юрту» [7, с.612]. Бурное обсуждение наступления заводов на их земли они оставили до многолюдной сходки, описанной упомянутым Татарбаем Михайловым: в феврале 1723 г. «у татарина Катайской волости у Карачюры собралися... на Мияс в Катайскую волость к вотчиннику Чубаждаю башкирцы с Нагайской дороги... человек тысяча для совету». Их консолидированное мнение гласило: «...ежели де руд искать допустить, то будут и города строить, и заводы заводить» [7, с.586].

В 1753 г. членам команды под руководством берг-гешворена Петра Степанова на самом высоком уровне запретили «разглашать» местным жителям цель их миссии: поиск во внутренней Башкирии «руд, каменьев и для заводов удобных мест». Власть опасалась «дабы башкирский, яко неразумный народ, прежде времени о том *в размышление* не привесть» [18, с.901]. Новость о «заведении» горных заводов на землях пребывающих в «дикости и легкомыслии» башкир могла, по словам П.И. Рычкова, «отрыгнуться» «затруднениями» и «беспокойством» [19, с.395]. Осмысление нарушения заводчиками их прав, действительно, начиналось эмоционально. Испробовав на себе плети служителей Шермяитского завода, местные жители в челобитной 1759 г. жаловались: «И от того происходит всем мирским нашим людям самокрайняя обида, отягощение и оскорбление, и они, мирские люди, будучи так жестоко и напрасно огорчены, приходят *в недоумение*» [22, с.230]. Однако примкнувшие к восстанию Е.И. Пугачева башкиры вполне логично представляли себе механизм наступления заводов на их родовые земли. Горнозаводскому населению они говорили: «...ступайте домой, срок ваш кончился, отцы наши, отдавшие вам эту землю умерли, а мы не хотим более уступать ее» [20, с.53].

Носители новой (горнозаводской) и традиционных идентичностей (последние с утратой прежней определенности) требовали защиты своих прав, признания своего статуса, которые подчеркнут их отличие от других. В прошениях горнозаводских жителей подчеркивалось: «...против крестьян мы пашенных земель, сенных покосов и протчих удовольствий ничего не имеем, но питаемся от одного только, что получаемой за работы платы» [9, с.321]. Заводское население не прельщал аграрный образ жизни. В глазах же земледельцев труд на заводах представлял «бесчеловечным» и весь заводской порядок, с точки зрения разделяемых ими доиндустриальных этических ценностей, был чужд и противен человеческой природе.

На протяжении всего XVIII в. не прекращалось сопротивление приписных крестьян участию в промышленной деятельности. Башкиры-вотчинники, обладающие особыми привилегиями на данной территории, также продолжали их отстаивать. Жалуясь в 1762 г. на одного из заводчиков, жители Салжугутской волости обращались к царице: «...с женами и з детьми пропитание имеем от тех наших вотчин, а егда оная наша вотчина означенному Турчанинову под завод ево без вин наших отъидет, то мы всею тою волостию не токмо чтоб в.и.в. службы служить и подводную гоньбу и протчее положенное на нас исполнять могли, но принуждены будем, не имея уже никакого пропитания, з женами и з детьми всекрайнюю терпеть нужду и от времени до времени скитаться и в разные волости и в жилища расселяться» [16, с.301]. Результаты работы взаимного отчуждения свидетельствовали о появлении четких разделительных линий, разграничивающих «своих» от «чужих», о стремление обособить заводской, сельский, кочевой «миры».

Пережив в течении XVIII в. радикальную трансформацию, регион стал вполне обжитым, но безвозвратно менялся, делаясь не похожим на крестьянскую Россию и на кочевую страну – мощный металлургический сектор задал путь его развития на столетия вперед. Между I и V ревизиями, т.е. 1719 и 1795 гг., численность мастеровых и работных людей выросла здесь более чем в 7 раз – с 11,9 тыс. до 86,4 тыс., количество приписных крестьян в 8,5 раза – с 25 тыс. до 212,7 тыс. [9, с.312–313] Особенностью иерархии региональных идентичностей стало доминирование горнозаводских ценностей со шкалой «прогрессивное-отсталое» и формирование социальной структуры региона по линии притяжения-отторжения прогрессизма группами, входившими в нее. Проживание вблизи заводов и рудников стало фиксироваться в картине мира основной массы населения (независимо от отношения к данному факту), поскольку отличия горнозаводского Урала были видимы и отслеживаемы на уровне ландшафта, формальных институтов, властной дистрибуции, экономических практик. Для желавших «горному промыслу и со всеми згореть» эта была «навязанная» идентичность.

От беспрецедентной ломки старого до интеграции общностей в нечто целое было далеко. Социальные группы, созданные или затронутые масштабным строительным и колонизационным проектом, еще не были проникнуты прочными, надежными и легитимными государственными структурами. Кровавые эксцессы уходили в прошлое, недружелюбная этносоциальная среда, контрагенты которой сохраняют негативное отношение друг к другу и подчеркивают культурную дистанцию между собой, сохранялась. Создание горнозаводской промышленности сыграло важную роль в структурировании геополитических реалий Волго-Уральского макрорегиона. Заводы пожинали лавры цивилизаторов «пустынного» края, стали признанными цивилизующими агентами и носителями имперскости. Объединенным общим неприятием промышленного

мейнстрима и тревогой по поводу его успешного продвижения традиционалистским силам с их «ностальгической» идентичностью был свойственен ресентимент. Это ущемленное большинство выглядело консерватором, обороняющим наследие прошлого, теряемое по мере нарастания значимости горнозаводского сектора.

Источники и литература

1. *Витевский В.Н.* И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Вып. 2. Казань: Типолитография В.М. Ключникова, 1890. [2], XVIII. С.177–368.

2. *Витевский В.Н.* И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Вып. 3. Казань: Типолитография В.М. Ключникова, 1891. [2], XXIV. С.369–616.

3. *Голикова С.В., Миненко Н.А., Побережников И.В.* Горнозаводские центры и аграрная среда в России: взаимодействия и противоречия (XVIII – первая половина XIX века). М.: Наука, 2000. 258 с.

4. Горная власть и башкиры в XVIII веке. Уфа: Гилем, 2005. 243 с.

5. *Дмитриев А.А.* Пермская старина. Вып. 8. К истории зауральской торговли. Башкирия при начале русской колонизации. Пермь: Типография н-ков П.Ф. Каменского, 1900. 172 с., III.

6. *Добросмыслов А.В.* Башкирский бунт в 1735, 1736 и 1737 г. Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. 8. Оренбург: Типо-литография Ф.Б. Сачкова, 1900. 105 с.

7. Законодательные акты Петра I: редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностранные источники: Сборник документов. Т.II. Акты об общественных классах. Т.III. Акты о промышленности и торговле. М.: Древлехранилище, 2020. LXXXIV, [1], 761 с.

8. *Игнатьев Р.Г.* Материалы для истории горных заводов // Оренбургские губернские ведомости. 1870. №50. С.222–223.

9. История Урала с древнейших времен до 1861 г. М.: Наука, 1989. 608 с.

10. *Корепанов Н.С.* Пермь заводская, 1723–1781 гг. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2011. 111 с.

11. *Кузеев Р.Г.* Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. М.: ИНИОН РАН, 1992. 347 с.

12. *Кулбахтин Н.М.* Башкиры и башкирские предводители в Крестьянской войне 1773–1775 годов. Исторические очерки. Уфа: Башк. энцикл., 2020. 536 с.

13. *Кулбахтин Н.М.* Избранные труды. В 5 кн. Кн. 2. Горнозаводская промышленность Башкортостана. XVIII в. Уфа: Башк. энцикл., 2016. 280 с.

14. *Кулбахтин Н.М.* Избранные труды. В 5 кн. Кн. 3. Башкирские рудопрмышленники Тасимовы. Уфа: Башк. энцикл., 2016. 352 с.

15. *Кулбахтин Н.М.* Избранные труды. В 5 кн. Кн. 4. Наказы народов Башкортостана в Уложенную комиссию 1767–1768 гг. / И.Н. Кулбахтин, Н.М. Кулбахтин. Уфа: Башк. энцикл., 2016. 272 с.

16. Материалы по истории Башкирской АССР. Т.IV. Ч.2. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1956. 666 с.

17. *Мукомолов А.Ф.* На южноуральских заводах. Кн. 2. М.: Территория, 2001. 399 с.

18. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. XIII. 1749–1753. СПб: Типография II отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1830. 958 с.

19. Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург: Типография Б. Бреслина, 1887. 406 с.

20. Ханьков Я. В. Обзорение рудного производства частных оренбургских заводов в 1838 году // Материалы для статистики Российской империи. СПб.: Типография министерства внутренних дел, 1841. Отд. IV. С. 1–118.

21. Чупин Н. К. Географический и статистический словарь Пермской губернии. Т. 1. Пермь: Типография Поповой, 1873. 577 с.

22. Чупин Н. К. О некой исторической будто бы записке // Сборник статей, касающихся Пермской губернии и помещенных в неофициальной части губернских ведомостей в период 1842–1881 гг. Вып. 1. Пермь: Типография губернского правления, 1882. С. 207–236.

23. Чупин Н. К. Член Екатеринбургской горной канцелярии М. И. Башмаков и действия его во время пугачевщины // Сборник статей, касающихся Пермской губернии и помещенных в неофициальной части губернских ведомостей в период 1842–1881 гг. Вып. 1. Пермь: Типография губернского правления, 1882. С. 169–190.

The influence of mining industry on ethnosocial processes of the Volga-Ural region in 18th century

S. V. Golikova

*Institute of History and Archeology,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Yekaterinburg, Russian Federation*

The article is devoted to the influence of mining industry on ethno-social environment. The formation of this successful achievement of the Peter's time took place amid a active settling on the south-eastern part of the Volga-Ural region: migrations of the peoples of the Volga region and the spontaneous agricultural colonization by Russian. Industrial colonization was a imperial project to create a large metallurgical district on the periphery. Its privileged status has led to a shortages of resources (land, rivers, forests) for other colonists and indigenous peoples. Thus, destabilizing the region and slowing down non-industrial alternatives for its development. Peasants, Bashkirs and other peoples of the region perceived industrial expansion as a challenge and a threat, which they responded by social mobilization. The uncompromising struggle against it points to the value conflicts based not on the seeking of consensus but to preserving (or modifying) the hierarchy of identities. By the end of the 18th century, factories created a new ethnic-social balance, catalyzing of ethno-social processes, such as division, consolidation, self-identification of communities, while keeping of socio-cultural distance between actors.

Keywords: colonization, mining industry, ethnosocial environment, social mobilization, ethnocultural identity, value conflict, Volgo-Ural region.

For citation: Golikova S.V. The influence of mining industry on ethnosocial processes of the Volga-Ural region in 18th century. From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region. 2022, vol. 12, no. 4, pp. 101–112. (In Russian)

Информация об авторе:

Голикова Светлана Викторовна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (Екатеринбург, Российская Федерация); e-mail: avokilog@mail.ru

Golikova Svetlana Viktorovna – Dr. Sci. (history), Leading Researcher, Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russian Federation).